

ПУТЬ К СВЯТОСТИ

Доклад на Конференции «Сергиевские научно-богословские чтения», посвященной 700-летию рождения прп. Сергия Радонежского МПДА 01/05-14

Как точно показаны главные пороки человека в искушениях Христа во время Его 40-дневного поста! Дьявол предлагает Ему камни превратить в хлебы; дать все царства мира за поклонение себе; и, наконец, совершить уже откровенно безумный поступок: чтобы показать Свое Божественное достоинство, гордо броситься с крыши храма. Любимый ученик Христа **апостол Иоанн** в этих искушениях видит выражение самой сущности т. н. *мирского* содержания жизни, оторванной от мысли о Боге. Он пишет: все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего (1Ин. 2: 16).

Преподобный авва **Дорофей** (VI век) расшифровывает эту мысль в более конкретных понятиях, усматривая сущность этих искушений в трех самых основных страстях: сластолюбии (комфорт и наслаждение), сребролюбии (богатство), славолюбии (жажда славы и власти), и указывает, что все они исходят из одного источника – гордости.

Евангелие сообщает о том, как Христос отверг все их, противопоставив Свой путь жизни человека пути мира: 1) Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим (Лк. 4: 4), 2) Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи (Лк. 4: 8), 3) Не искушай Господа Бога твоего (Лк. 4: 12).

Но человечество в целом ¹живет именно этими страстями, культивирует их и жаждет их исполнения, как в личной, так и в общественной жизни. Целые философские системы обосновывают их ценность, всё научно-техническое развитие направлено на их максимальную реализацию.

Однако история жизни, как отдельного человека, так целых народов и всего человечества ярко показывает, к каким пагубным последствиям приводит такое исключившее Бога из жизни мировоззрение. Оно становится опаснейшим врагом человека. Ибо алчность, жажда власти и гордыня, став господствующими в душе, в самом корне разрушают ее, порождая вражду, ненависть, зависть, убийства, предательства и прочие бедствия, нарушая мир между людьми и народами. И никакая внешняя власть не в состоянии остановить это зло: ни мудрый законодатель, ни гениальный философ и ученый, ни политик, насытивший народ хлебом и зрелищами. *«Ни в каком устройстве общества, – писал Достоевский, – не избегнете зла... душа*

¹ Выступление на Конференции «Сергиевские научно-богословские чтения» в МПДА, посвященной 700-летию рождения прп. Сергия Радонежского.

человеческая останется та же... ненормальность и грех исходят из неё самой».

В «Братьях Карамазовых» в уста беса он влагает следующие потрясающие по своей психологической глубине слова: *«По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, – о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречётся поголовно от Бога, то само собою, без антропофагии, падёт всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здеишем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог... а ему “всё позволено”... Для бога не существует закона! Где станет бог – там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... “всё дозволено” и шабаш!»*

Православие предлагает совершенно иное видение смысла жизни человека. Оно призывает его к очищению души от этих разрушительных страстей, открывает путь к святости. Убедительным свидетельством его истинности является множество примеров жизни тех подвижников, которые *«мечем и луком»* достигали духовного совершенства.

Что же такое **православная святость**, как приобретается она, каковы ее основные свойства и критерии, что представляет собой святой человек?

Абсолютной святостью является Бог, потому и святость человека есть не что иное, как причастность Богу (ср.: 2 Петр. 1: 4), духовное уподобление Ему, обожение, или, как говорил преподобный **Серафим Саровский**, *«стяжание Духа Святого»*. Главнейшие свойства Бога, которые с особой очевидностью открылись в Боговоплощении и на Голгофе, — любовь и смирение. Степень приобретения этих свойств является показателем уровня святости человека. При этом Священное Писание и святоотеческое учение подчеркивает, что все прочие добрые свойства и добродетели человека получают свое положительное содержание только на твердом основании этих основополагающих краеугольных камней и без них теряют всю свою ценность.

Апостол Павел писал о любви: *«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»* (1 Кор. 13: 2-3). О смирении же святые отцы говорят, как об основе и источнике самой истинной любви. Насколько оно необходимо в духовной жизни в кратких и сильных словах сказал, например, святой **Исаак Сирин** (VII век): *«Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели... потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание»*².

Но как достигается святость?

² Авва Исаак Сириянин. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 46. С. 289.

Прежде, чем говорить об этом, необходимо сделать одно существенное замечание. Принципиальным условием православного подхода в рассмотрении любых вопросов веры и жизни является обращение к святоотеческому учению как единственно достоверному источнику в понимании Божественного Откровения. Вызвано это тем, что только приобщение Духу Божьему, святость человека, может гарантировать истинность его суждений. А когда определенная мысль высказывается не одним святым отцом, но многими, то это свидетельствует о том, что она является не мнением человеческим, но откровением Духа Божия и, следовательно, есть сама истина.

Этим критерием Православие принципиально отличается как от католицизма, в котором последним гарантом истины является слово одного человека — римского папы, так и от протестантизма, где вероучение любой общины и даже одного человека оказывается столь же авторитетным, как и любых других, чем полностью перечеркивается само понятие истинности в религии. Это в том и другом случае пагубно отражается и на понимании духовной жизни.

В Православии понятие святости проистекает из единства опыта богопознания великих подвижников древней Церкви. Этот опыт является объективным критерием в оценке всех явлений духовной жизни и дает возможность христианину правильно оценить собственные духовные состояния. В современных условиях этот критерий особенно важен. Ибо понятие о духовной жизни все больше подвергается различным инородным влияниям. Мерилом духовности верующего нередко становится не любовь и доброжелательство к каждому человеку, не терпение недостатков ближнего, не честность в поступках, а такое понимание воцерковленности, которое всю религиозную жизнь сводит к исполнению внешних церковных установлений и/или «умовому», по выражению свт. Феофана Затворника, знанию христианского учения.

Отсюда, само понимание святости человека приобретает ложный характер. Она оценивается на основании народных слухов, плохо поддающихся проверке случаев прозорливости, исцелений, изгнания бесов, предсказаний и, особенно, чудес.

Вопрос о чудесах в оценке святости является чрезвычайно важным, поскольку для верующего, незнакомого с учением святых отцов, чудеса оказываются самым главным доказательством святости человека. Такой верующий даже не подразумевает, что чудеса могут иметь различную природу, исходить не только от святого человека, но и от находящегося в бесовской прелести, и даже от природных способностей человека, то есть могут иметь разные источники, и непонимание этого может привести к трагическим последствиям. Об этом предупредил верующих Сам Господь: Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам (Мф. 24: 24–25). Об этой опасности предупреждают и святые отцы. Так, например, преподобный **Кассиан Римлянин** (V век) писал: «...*Никто не*

должен быть прославляем за дары и чудеса Божии... Ибо весьма часто... люди, развращенные умом и противники веры, именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса»³.

Чудеса, оказывается, сами по себе не являются определяющим признаком святости человека. Нужно крайне осторожно относиться к любым необычным явлениям и — пока нет возможности удостовериться в характере происшедшего и, прежде всего, в духовной целостности совершителя — не спешить принимать их за чудо Божье. Не чудеса свидетельствуют о святости человека, а, напротив, святая жизнь того, через кого они совершаются — вот что доказывает их истинность.

Но лжечудеса, как правило, происходят с теми, кто ищет чудес или внутренне считает себя достойным видеть и получать их, кто впал в самомнение (прелесть), кто ищет исцеления любой ценой, нисколько не задумываясь о том, каков источник этого исцеления, и что принесет оно душе — пользу или вред.

Один из опытейших духовных наставников XIX столетия святитель **Игнатий (Брянчанинов)** подробно пишет о губительности легковерия чудесам и искания их⁴. В одном из своих творений он приводит слова преподобного **Кассиана Римлянина**: *«Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни»*. И объясняет, что в отличие от язычников, не думающих о будущей жизни и жаждущих чудес для земного благополучия, христианин должен искать пользы душевной, исцеления от страстей для достижения вечности. Более того, святитель **Игнатий**, видя языческий настрой народа, предупреждает и предсказывает:

«С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности, знаменосные мужи уменялись. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище⁵ многочисленных и поразительных ложных чудес, увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами»⁶.

В одном из писем он говорит о той страшной беде, которая грядет на наш народ за его легковерность разным чудесам: *«Бедствия наши должны быть*

³ Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1892. С.444.

⁴ См., например, «Беседа в понедельник 29-й недели по Пятидесятнице. О чудесах и знамениях» (Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4.).

⁵ Позорище (церковнослав.) — зрелище. — Ред.

⁶ Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 323–324.

более нравственные и духовные. *Обуявшая соль*⁷ (см.: Мф. 5: 13) *предвещает их и ясно обнаруживает, что [наш] народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который, наконец, осуществит мысль о всемирной монархии...*». Святитель Игнатий называет «обуявшей солью» состояние Православия в России, «гением из гениев» — антихриста, и наш народ — орудием его всемирного воцарения.

Как же христианину относиться ко всему, что предстает как чудо? Святитель Игнатий, обращаясь к Священному Преданию Церкви, говорит о необходимости большой осторожности: «Христианские аскетические наставники заповедают не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность».

Он дает замечательный совет: «Святые Отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой — никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа...» Это предупреждение распространяется на любого христианина, оказавшегося перед лицом необычного явления. Данный совет может быть выражен кратко: «**Не хули и не принимай!**»! Но, увы, ради чуда многие готовы отказаться и от веры своих святых отцов, устремляясь к иным богам (Втор. 6: 14).

Часто цитируемый святителем преподобный **Григорий Синаит** (XIV век) призывает: «...никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. <...> Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то... легко ... прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательнo внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого...»

Святоотеческий опыт указывает, прежде всего, на важнейшие **критерии** правильной **духовной жизни**. И первым из них является не чудо, не прозорливость и прочее, а видение подвижником своего личного нравственного и духовного несовершенства, своей греховности, глубокой болезненности самой природы человеческой и невозможности лишь собственными силами ее исцеления. Как писал преподобный **Петр Дамаскин** (VIII век), первым признаком начинающегося здоровья души является видение грехов своих бесчисленных, как песок морской⁸. (Этим, кстати, христианская антропология принципиально отличается как от гуманистической, так и от всех других религиозных антропологий,

⁷ Обуявшая соль (церковнослав.) — испорченная, потерявшая силу. — *Ред.*

⁸ *Святой Петр Дамаскин*. Творения. Книга первая. Киев, 1902. С. 33.

отрицающих наследственную порчу человека.) В богословии эта «генетическая» поврежденность человека именуется *первородным грехом*. Это видение необходимо для правильного духовного развития человека по той причине, что без него невозможно приобретение смирения — основы всей духовной жизни.

О безусловной важности смирения говорит грехопадение первого идеально созданного человека. Событие это лежит в основе понимания всего христианского учения о человеке и спасении. Оно показывает, что ни совершенное знание тварного мира и власть над ним, ни богоподобная слава, ни полнота внутреннего и внешнего блаженства, которыми обладал первозданный человек, еще не гарантируют ему непоколебимую твердость пребывания в добре, истине и красоте образа Божия. Забвение им своей несамобытности и в то же время осознание своих совершенств в этом мире может, оказывается, легко привести к возникновению горделивого ощущения себя Богом (ср.: Быт. 3: 5), к противопоставлению себя Ему и подвигнуть к безумному бунту против Того, Кем он живет, и движется, и существует (см.: Деян. 17: 28).

Поэтому только личное опытное познание своего несовершенства, проистекающее из опыта правильной духовной жизни, видения своих грехов и той глубокой поврежденности человеческой природы, которую сам человек не в состоянии исцелить никакими подвигами, дает возможность понять необходимость Христа, уверовать в Него как Спасителя и породить истинную веру, «непадетельную», делающую человека святым. Такое духовное состояние именуется смирением и является залогом сохранения человека от возможного повторного отпадения от Бога, дает ему возможность вечного пребывания в Боге-любви.

И, напротив, как пишет святитель **Игнатий**, «*несознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином (хотя бы формально был им — А. О.). К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою...*»⁹.

Как приобретается такое **видение себя**? Преподобный **Симеон Новый Богослов** (XI век) отвечает: «*Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи*»¹⁰. Это «исполнение» имеет две основные ступени, или два делания: телесное и душевное (духовное). Святой **Исаак Сирин** так говорит о их соотношении друг с другом: «*Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного, потому что последнее рождается от первого, как колос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований*»¹¹.

⁹ *Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 378.*

¹⁰ *Цит. по: Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 9.*

¹¹ *Авва Исаак Сириянин. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 56. С. 399.*

Автор жития преподобного Сергия иеромонах **Никон**, повествуя о последовательности шагов в **духовном восхождении** Преподобного, также замечает: «Святые отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния: крест деятельный и крест созерцательный. Первое состояние есть страдный, многоскорбный, узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собою — с ветхим человеком, и с врагами спасения — миром и диаволом. Второе состояние есть упокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовою благодатию победившей страсти, очищенной, просветленной, и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства небесного»¹².

Прекрасно пишет об этих **двух ступенях в духовной жизни** преподобный **Паисий Величковский** (XVIII в.). Оценивая духовную жизнь, прежде всего, как внутренний подвиг умной молитвы, он учит:

«...пусть будет известно, что по писанию святых и богоносных отцов наших, есть две умные молитвы: одна новоначальных, принадлежащая деянию, а другая совершенных, принадлежащая видению; та — начало, а эта — конец, потому что деяние есть восхождение видения... Пусть будет известно (говорю к подобным мне препростым), что весь монашеский подвиг, которым, при помощи Божией, понуждался бы кто-нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди... на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти: весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием...

Когда же кто Божией помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением, очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные видения, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или по святому Исааку, чистая молитва, от которой — ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог и благодатию Своей введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения, тот, по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не [имеет] видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом»¹³.

В статье «Отношение христианина к страстям его» святитель **Игнатий** формулирует закон духовной жизни, указывающий на последовательность борьбы со страстями: «Некоторые страсти служат началом и причиною для

¹² Иеромонах Никон. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 191.

¹³ Схимонах Паисий Величковский. Об умной или внутренней молитве. М., 1902. С. 17–19.

других страстей; таковы: объядение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолюбие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жительства. В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собой»¹⁴.

Как видим, достижение духовной чистоты и святости требует знания основ и законов духовной жизни, в противном случае неопытный подвижник может легко заблудиться и впасть в мечтательность, в **прелесть**. Последний термин, часто употребляемый отцами, замечателен тем, что он точно вскрывает само существо ложной духовности: тончайшая лесть себе, самообман, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Поэтому чрезвычайно важно знание того, как отличать лжедуховность от истинной святости.

Прелесть обычно «закладывается» в изначально ложной цели, которую аскет ставит перед собой: он может искать откровений, благодатных даров, высших наслаждений, экстаза, или стремиться к познанию тайн *того* мира, или жаждать славы человеческой.

В православии искание всего этого решительно воспрещается, поскольку подобное стремление без очищения души от страстей приводит человека к самомнению, духовному сладострастию, гордости и, в конечном счете, к гибели. Святитель **Игнатий** предлагает такой святоотеческий критерий для различения святости от прелести:

«Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении.

Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявляющую их души гордость и бесовскую прелесть»¹⁵.

Преподобный **Симеон Новый Богослов**, рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых», прямо утверждает, что «это есть знак прелести»¹⁶.

Подобных высказываний отцов Вселенской Церкви можно привести сколь угодно много. Все они едины в том, о чем предупреждал еще **апостол Иоанн Богослов**: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4: 1).

Значимость этого предупреждения для нашего времени особенно актуальна. В сознание нашего народа сейчас с огромной силой внедряется идея равноценности по существу всех религий, вплоть до самого грубого язычества с его нравственной разнузданностью и извращенством. Мистицизм всех цветов и оттенков широкой волной заливал теперь нашу Русь, некогда святую в стремлении к Богу и как-то защищенную от «свободного» Запада, а ныне открытую для всех духов преисподней.

¹⁴ *Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 1. С. 527.*

¹⁵ *Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. 126.*

¹⁶ *Прп. Симеон Новый Богослов. О трех образах внимания и молитвы. Добротолюбие. Т. V. М., 1900. С. 463.*

Но когда для получения плодов святости вместо законного труда исправления и очищения своей души от всякой грязи предлагаются средства «срывания плода» тайных познаний, мистических прозрений и наслаждений, власти над природными и оккультными силами, то не ясно ли к какой святости призывается человек?

В Евангелии дан критерий оценки подобного рода явлений: «Всякое дерево познается по плоду своему» (Лк. 6: 44). Плоды иноземных духов очевидны — это, прежде всего, отнятие у человека мысли о Боге, о душе, о вечности, о смысле жизни. Но разве не понятно, что *«только с верой в свое бессмертие, — как писал Достоевский, — человек постигает всю разумную цель свою на земле»*. А без этой веры человек не может найти себе покоя.

Плоды же Православия — это его святые, которые подвигами и молитвой в духовной борьбе очистили свою душу, достигли совершенного смирения и приобрели истинную любовь, которая и является величайшим благом для человека.

Одним из таких самых ярких святых в истории нашего Отечества явился преподобный Сергей Радонежский. Жизнь его одна из лучших иллюстраций плодов Православия. Он с такой силой показал нетленную красоту образа Божия в человеке, что и спустя семь столетий остается отцом и наставником всех стремящихся к почести высшего звания (Фил. 3:14).

Образ его жизни, подвиги и труды, удивительное смирение, бегство от земной славы и редкое по своей благодатной силе и своим масштабам влияние на духовную жизнь всей Русской Церкви являются совершенным образцом православной святости. Эта святость дала ему мир Божий, который превыше всякого ума (Флп. 4: 7), радость неизреченную и преславную (1 Петр. 1:8), любовь совершенную (Кол. 3: 14), наполнившую не только всю его душу, но и всех, кто соприкасался с ним.

Он есть тот новый человек, святой, духовный, которого ищет каждая живая душа, к которому стремится, которого жаждет. И главная причина этого непобедимого к нему влечения, продолжающегося донине, не в его чудесах, которые и не столь часты. Ибо где их много, там, как теперь особенно хорошо видно, собираются все, верующие и неверующие, ищущие чудес.

Несомненно, она в той открывшейся в Преподобном красоте образа Божия, которая незримо поражает, пленяет и притягивает душу. В самом Троицком соборе Лавры, где пребывают его мощи, ощущается особая атмосфера, здесь душа невольно начинает молиться, начинает действительно ощущать, что «не хлебом одним будет жить, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Но как современному человеку применить опыт святых отцов для правильного устройства собственной духовной жизни? Неоценимую помощь здесь может оказать пример подвижников близких нам по времени, глубоко изучивших творения святых отцов и впитавших их опыт своей жизнью.

Один из таких духовно опытных подвижников XX века — игумен **Никон (Воробьев, †1963)**. Его глубоко пропитанные святоотеческим духом мысли

— это еще один голос Священного Предания Церкви. В наше духовно смутное время наставления игумена Никона помогают лучше понять духовную жизнь и опасности, подстерегающие верующего на пути к Богу, понять, что есть Православие. Он дает такую характеристику святого, духовного человека.

Духовный тот, кто стяжал в себе Духа Святого. Он совершенно отличается от душевного или плотского, что почти однозначно здесь. Он есть новый человек (см.: Еф.4: 24), а душевный есть ветхий человек (см.: Рим. 6: 6). Что в нем нового? — Все: ум, сердце, воля, все состояние, даже тело.

Ум нового (духовного) человека способен постигать отдаленные события, прошлое и многое из будущего, постигать суть вещей, а не только явления, видеть души людей, ангелов и бесов, постигать многое из духовного мира. «Мы имеем ум Христов», — говорит духовный **апостол Павел** (1 Кор. 2: 16).

Сердце нового человека способно чувствовать такие состояния, о которых кратко сказано: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9). А преподобный **Серафим** в согласии с древними отцами так говорил: если бы человек знал о тех состояниях блаженства, которые еще здесь бывают, а тем более в будущей жизни, то согласился бы прожить тысячи лет в яме, наполненной гадами, грызущими его тело, чтобы только приобрести эти состояния.

Таким же образом и **воля** нового человека целиком устремляется к любви и благодарности Богу.

Тело духовного человека тоже изменяется, становится частично подобным телу Адама до падения, способным к «духовным ощущениям» и действиям (хождение по водам, способность оставаться без пищи, моментальный переход через большие расстояния и т. п.).

Словом, человек, стяжавший Духа Святого, весь обновляется, делается иным (отсюда прекрасное русское слово «инок») и по уму, и по сердцу, и по воле, и по телу¹⁷.

Лучшая иллюстрация этих слов игумена **Никона** — сама его жизнь. Она служит еще одним примером в бесконечном ряду христианских подвижников, который доказывает истинность православного пути к святости.

¹⁷ *Игумен Никон. Письма духовным детям. Свято-Троицкая Лавра. 1991. С. 119124.*